

Фауст

Трагедия Гете, перевод Н. Грекова, СПб 1859. В 8-ю д. л. 152 стр.

М. Л. Михайлов. Сочинения в трех томах.
Том третий. Критика и библиография. <Записки>
М., ГИХЛ, 1958
[OCR Бычков М. Н.](#)

В беседах своих с Эккерманом Гете говорил: "Я никогда не был неискренен в своей поэзии. Чего я не пережил, что само не просилось у меня под перо, того я и не воспевал, не высказывал". "Фауст" вполне подтверждает эти слова. В драматической поэме своей, которую Гете не совсем точно назвал трагедией, он представляет нам всего себя, всю свою внутреннюю жизнь. Это, так сказать, поэтическая история развития его могучего, неустанно стремившегося вперед духа. Но одним этим нельзя еще ограничить значение "Фауста". Гете был одним из величайших представителей не только своего времени и своей страны, но и всего человечества во всех веках. Понятно, что в символическом изображении своих собственных стремлений и страданий он дал нам картину стремлений и страданий человека вообще. Высокий поэтический такт Гете указал ему на народное лицо Фауста как на героя, которому поэт мог придать всю глубину своей мысли и своей страсти. В средневековой легенде высказалось все тревожное и неутолимое алкание знания, врожденное человеку, и вся скорбь по собственному несовершенству, выраженная лишь в намеке пословицею: *ars longa, vita brevis* {искусство долговечно, жизнь коротка (*лат.*)}. В своей поэме Гете воспользовался лишь главным характером и некоторыми существенными чертами предания, не обратив внимания на многие мелочи. Да и самые фигуры Фауста и Мефистофеля являются в творении Гете значительно измененными. Поэт сам сознавался, что не только мрачные, неудовлетворимые порывы Фауста, но и насмешка и грубая ирония Мефистофеля взяты им из глубины своего собственного духа. Мы видим главное значение "Фауста" лишь в первой части, и, несмотря на все старания немецких комментаторов, не можем видеть в запутанном символизме второй части того поэтического и философского смысла, который непременно хотят открыть в ней. По нашему мнению, разделяемому и всеми почти иностранными критиками, хотя все еще чуждому критике германской, первая часть "Фауста" заключает в себе такое полное и законченное целое, что продолжения ему и не нужно, и вторая часть представляется каким-то неорганическим, посторонним приростом. Правда, судьба Фауста, как она проектирована в "Прологе в небе" и как можно подозревать ее по сцене договора Фауста с Мефистофелем, не кончается первою частью; но читатель лучше готов остаться при предположениях, пробужденных в нем помянутым прологом и сценою, чем следить за Фаустом в бездне темных, непонятных и, по-видимому, вовсе ненужных сцен до развязки, которую он предчувствовал с первого появления перед ним и с первых слов Фауста. Надо особенное терпение и особенную любовь к поэту "Вертера", чтобы читать со вниманием вторую часть "Фауста" и во множестве лишних и темных страниц отыскивать страницы, отмеченные действительно поэтическим достоинством. Между тем первая часть равно интересует и увлекает как требовательного критика, так и самого простого читателя. На ней же останавливались до сих пор и все русские переводчики "Фауста", Губер, Вронченко, г. Струговщиков и ныне г. Греков. В первой части нам кажется только совершенно излишнею интермедия: "Сон в Вальпургиеву ночь, или Золотая свадьба Оберона и Титании". Современные намеки ее давно устарели и потеряли всякий интерес; к содержанию "Фауста" она не имеет ровно никакого отношения, и мы думаем, что, переводя "Фауста" не целиком, то есть не обе его части, и притом без всяких объяснений, примечаний и комментариев, не следует вовсе браться за перевод "Сна". Особенно удивило нас, что интермедия переведена г. Грековым, а между тем столь существенных для "Фауста" страниц, как "Пролог в театре", мы не находим в его переводе. Нет в переводе г. Грекова также и "Посвящения".

Еще недавно, при разборе "Сочинений Губера", говорили мы о русских переводах "Фауста" и отдали между всеми ими преимущество переводу покойного Вронченки, несмотря на некоторую устарелость и прозаичность языка. При том же мнении остаемся и теперь, после прочтения нового перевода, изданного г. Грековым. Г-н Греков поэт довольно даровитый; само собою разумеется, в переводе его не может не быть мест удачных; но эти места так редки и так малы, а общий характер и тон так неудовлетворительны, что нечего и говорить о них.